

Ань Цзюньцзянь поперхнулся глотком кофе, чувствуя, как обжигающая жидкость прожгла горло и разлилась жаром в желудке.

— Что... что?

— Просто отношения пары.

Он выдал этот ответ машинально, но Ань Жуй ответила слишком обстоятельно. Теперь он окончательно поперхнулся и не мог выдать ни слова.

Выражение лица Ань Жуй было серьезным, с легкой растерянностью.

— Я часто слышала от сестры Цзоу о тебе и господине Ся, сначала мне казалось это странным, но потом... — Она тут же нахмурилась и поспешно пояснила:

— Я не считаю, что это плохо, просто немного необычно.

У Ань Цзюньцзяня возникло желание схватиться за голову. Как дети в наши дни стали такими ранними? Ань Жуй продолжала с абсолютно серьезным видом:

— Брат, тебе ведь нравится господин Ся? Я вижу, что господин Ся хорошо к тебе относится, и я за тебя спокойна.

— ...

У Ань Цзюньцзяня челюсть отвисла. Ему с трудом удалось не расхохотаться в лицо. Он не мог найти ни слова, чувствуя себя одновременно растерянным и готовым смеяться.

— Хотя вы оба мужчины, но сейчас какое время? Конечно, всё будет нормально. — Ань Жуй продолжала говорить. — Но не волнуйся, брат, я сохраню твою тайну, не скажу папе с мамой и никому не проболтаюсь на стороне. — Закончив, она улыбнулась и добавила:

— Я в интернете много читала об этом, на самом деле это довольно мило.

Ань Цзюньцзянь уперся локтями в журнальный столик и закрыл лицо руками. Он слушал, как девочка говорит про то, что это «мило», про «босса-семэ и артиста-укэ», «хотя я больше люблю младших, но старшие тоже могут быть милыми»... Ему хотелось харкать кровью. Он думал: «Ты же моя сестра, как можно поддерживать то, что своего брата будут прессовать? Хотя бы поддержала бы идею, что он сверху».

Но поразмыслив, он решил, что и сам не в своем уме. У него и Ся Ичэня вовсе не отношения пары... Это отношения спонсора и содержанца. Но эти слова он никак не мог сказать Ань Жуй. В её глазах брат просто смущенно молчал, подтверждая её догадки.

Ся Ичэнь вернулся на виллу около восьми вечера, раньше, чем ожидал Ань Цзюньцзянь. К счастью, к тому времени Ань Жуй уже ушла, и они не столкнулись.

Хотя ужин с Ань Жуй он уже съел, но с возвращением господина Ся нужно было сопровождать его за столом еще раз. Разумеется, есть он уже не мог.

Ся Ичэнь, заметив его отсутствие аппетита, сказал:

— Волнуешься из-за завтрашнего семейного ужина? На самом деле всё просто, ты идешь туда, чтобы не говорить лишнего, это просто формальность.

Услышав это, Ань Цзюньцзянь резко вспомнил, что завтра ужин в семье Ся... и тут же закручинился. Он совершенно не был уверен, идет он туда для галочки или чтобы устроить скандал.

После ужина Ань Цзюньцзянь пошел принимать душ, терзаясь сомнениями, а потом лег в постель читать сценарий. Но ничего не выходило: читал предложение, а в голове думал о том, что завтра идет в дом Ся разбивать посуду, читал следующее предложение — и снова думал о разбитой посуде. Ему было невыносимо тяжело, но придумать повод, чтобы не идти, он не мог.

Ся Ичэнь толкнул дверь и вошел. Видимо, он тоже только что принял душ. Он перевернулся и лег рядом с Ань Цзюньцзянем, по-видимому, уставшим, с закрытыми глазами и нахмуренными бровями. Через некоторое время он открыл рот:

— Ты сегодня заходил в мою спальню?

— А...

Он забыл поставить фотографию на место. Ань Цзюньцзянь невнятно промычал:

— Ага.

Ся Ичэнь долго не отвечал, словно уснул. Но когда Ань Цзюньцзянь уже выдохнул, он снова заговорил:

— Когда делали то фото, нам еще не было и двадцати, ненамного больше, чем тебе сейчас. В то время мы были очень незрелыми, думали только о своей цели, не заботясь о том, правильна ли она. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что прежний я был слишком наивен, в нем даже чувствовалась какая-то туповатая идиотская энергия.

Ань Цзюньцзянь был рад, что лежит спиной к господину Ся, иначе улыбка на его лице сейчас точно вызвало бы гнев хозяина. Но в душе он не мог не согласиться с последними словами Ся Ичэня, определенно нужно было поставить лайк.

Ся Ичэнь отрывисто рассказывал о Су Жуе, в целом это было похоже на слова Лэй Цзунью, только с некоторыми деталями.

— В тот год, когда Су Жуя похитили, вскоре мне позвонили и велели ехать на кладбище за городом за вещами. Я поехал и нашел коробку с моим именем рядом с могильной плитой. Открыл — внутри палец Су Жуя. Тогда я был молод, меня обдало холодным потом, мне казалось, я схожу с ума, я даже не мог плакать.

Ань Цзюньцзянь всё это время молчал. Не говоря уже о молодом Ся Ичэне, даже если бы сейчас у него похитили друга и подвергли пыткам, он бы точно не сохранил спокойствие.

— Потом...

Ань Цзюньцзянь почувствовал, что дальше слушать не может. Ся Ичэнь замолчал, собираясь продолжить, но тут Ань Цзюньцзянь резко взлетел, сел верхом на поясницу Ся Ичэня и без слов принялся кусать его губы, заглушая оставшиеся слова.

Он кусал довольно сильно. Видимо, настроение у Ся Ичэня тоже было не из лучших, и они оба как будто выплескивали злость — во рту у обоих тут же появился сладковатый привкус крови. Этот вкус, казалось, стимулировал их нервы: слюна выделялась быстрее, языки сплетались с

большей силой.

Ань Цзюньцянь прижимал Ся Ичэня, их дыхание становилось всё более учащенным. Его сердце колотилось очень быстро. Говорят, уязвимых людей легче всего завоевать, и сегодня, казалось, мечта о перевороте могла стать реальностью.

Думая так, о том, что он может придавить Ся Ичэня к себе и делать что захочет, Ань Цзюньцянь чувствовал внизу необычайное возбуждение. Он снял с себя и с Ся Ичэня одежду, давил на него и постоянно дразнил, впервые оставив много синих и фиолетовых следов на теле господина Ся. Затем он подумал о огромном зеркале во весь рост на потолке — сейчас там, должно быть, отражен обнаженный господин Ся. Нижняя часть тела Ань Цзюньцяня наливалась всё больше, распирая до боли.

Ся Ичэнь видел, как тот старательно дразнит его сверху, и видел лицо партнера, на котором читалось невыдержимое возбуждение, но не сопротивлялся и не запрещал. Конечно, он знал о маленьких хитростях партнера, просто положил руки на его талию и мягко поглаживал.

Ань Цзюньцянь был слишком сосредоточен и не заметил, как большие руки ощупывают его всё ниже и ниже, в конце концов они начали мять его ягодичы, а средний палец скользил взад-вперед по межъягодичной борозде.

Ся Ичэнь смотрел на зеркало над головой. Свет в комнате не был выключен, и в зеркале всё отражалось очень четко. Кожа Ань Цзюньцяня была белой, плечи широкими, а ягодичы узкими, лопатки тоже четко вырисовывались, изгиб от задней части шеи до ягодич приковывал взгляд. Из-за постоянного дразнения его тело с поясницей и бедрами слегка и ненамеренно покачивалось, что было действительно очень соблазнительно. У Ся Ичэня тоже встало, и оно ровно терлось о ягодичную впадину партнера.

Ань Цзюньцянь несколько раз почувствовал, как его трет горячее, нахмурился и потянулся рукой, чтобы схватить твердость того человека. Но действия Ся Ичэня были быстрее: он сильно сжал нижнюю часть Ань Цзюньцяня, а другой рукой просунулся вдоль его ягодичной впадины, проникая в сухое и тугое место.

— Ах, блядь...

У Ань Цзюньцяня схватили снизу, руки, упертые в уши Ся Ичэня, дрогнули, по спине пробежал ток, словно он потерял силу, и тело опустилось ниже.

— Если приятно, то голоси, не кусай губы, — голос Ся Ичэня был хриплым. Он дрович его нижнюю часть, запрокинув голову, открыл рот и зубами ухватился за выступ на его груди, слегка дергая, а языком также крутил вокруг. Другая рука в тугом отверстии тоже не бездельничала, медленно проникая внутрь и выталкиваясь наружу.

— Ммм...

Ань Цзюньцянь лежал на нем, чувствуя себя как овца в пасти тигра, в трудном положении, точнее, «вскармливать тигра не спускайся». Он хотел оттолкнуть Ся Ичэня и слезть с его пояса, но выступ на груди был зажат зубами, и любое движение причиняло боль от дергания, не говоря уже о том, что корень жизни был зажат в руке.

Ань Цзюньцяня терзали, и он довольно быстро не выдержал и кончил, лежа на нем и тяжело дыша. Ся Ичэнь, видимо, счел, что достаточно, вынул пальцы сзади, затем направил свою твердость и медленно ввел её внутрь.

Ань Цзюньцзянь еще не успел прийти в себя от наслаждения, как от боли выругался. Смазки не было, сухое введение сразу внутрь было ему не по силам, да и в позе наездника чувствовалось, будто воткнули прямо в горло.

<http://bllate.org/book/16660/1527409>